

После потопа

Повесть

1881

Хвощинская Н. Д. Повести и рассказы / Сост., подготовка текста, послесл., примеч. М. С. Горячкиной.-- М.: Моск. рабочий, 1984.

OCR Бычков М. Н.

Это случилось несколько лет назад.

Был конец мая, день тихий, светлый, без одного облачка; весенняя сырость уж не чувствовалась, но солнце еще не успело накаливать мостовую и гранит набережной. Строения и река окрашивались каким-то особенно нежным розово-голубым цветом; воздух, казалось, дышал, все будто таяло, мягко, прозрачно, без резких теней, без ярких отблесков; только на куполе Исаакия светился его постоянный кружок золотых точек, будто венки из звезд. Вверх по реке уплывала большая лодка, нагруженная цветами и деревьями в кадках: перевозили с выставки или уезжали дачники; зелень, темным столбом, не колыхаясь, отражалась в воде; только бежали белые полосы от весел.

День был не праздничный, но даже люди занятые, трудовые, спешащие и те замедляли шаги, приостанавливались отдохнуть, поглядеть кругом. На набережной и на бульваре, где уж оделись деревья, было много гуляющих. Все смотрело весело.

На тротуаре, на углу набережной и площади, собралось больше десятка человек; между ними были полицейские; недалеко стояли дрожки, карета. Там ждали. Ждали очень долго; утро проходило, становилось жарко. Любопытные, которые присоединялись к ожидающим, уходили, соскучившись. Гуляющие разошлись. Река потемнела в полдневном блеске, даль туманилась.

Те, что оставались на тротуаре, ждали упорно. Это была странно молчаливая толпа. Там были, конечно, и знакомые, но и они не разговаривали между собою, разве как-нибудь коротко, односложно; чаще всего слышался вопрос: "Который час?" -- и то вполголоса, осторожно. В кружке была женщина. Никто не рассмотрел, стара она или молода, никому не приходило на мысль вглядываться в лица своих товарищей... Их можно было назвать товарищами. Никто не обращал внимания на эту женщину, но она не сторонилась от всех, смущенная, усталая. Она рискнула подойти к полицейскому, стоявшему на крыльце у двери.

-- Скажите, скоро ли...

-- Чего?

-- Кончится... Там?

-- Нам неизвестно,-- отвечал он, отвертываясь.

-- Нельзя ли мне...

-- Пускать не велено.

-- Я очень устала,-- сказала она, сдерживаясь до того, что почти смеялась.

-- А, устали, напрасно приходили... У вас кто там?

-- Брат.

-- Дома бы дожидались, что вам бог пошлет.

-- Позвольте мне войти хоть в сени. Я на минуту присяду... Я спрячусь... я сейчас уйду, только что вы прикажете...

-- Нельзя, сударыня, извольте отойти,-- прервал он, отсторонив ее.

Она отбросилась от подъезда, потянула свой вуаль и разорвала его; мелькнуло лицо в красных пятнах, заплаканные, выгорелые глаза. Оступаясь, она сошла с тротуара, перешла к набережной, прислонилась и осталась неподвижна. В свете вырезалась ее темная фигура в длинном запыленном платье. На нее оглянулись другие ожидающие; отходя, она как будто дала им минуту нового занятия, поразнообразила общее напряженное состояние. Но только на минуту. Все глаза обратились опять к подъезду, к запертым дверям...

-- О господи, скоро ли? -- проговорил старенький господин, в плотно застегнутом старом пальто, пожимаясь от дрожи и приподнимая фуражку, чтоб освежить голову.-- Братец, который час?